



## ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

---



*А. А. Решетова*

### ЖАНР ПРОСКИНИТАРИЯ И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ: «ПОВЕСТЬ О СВЯТЫХ И БОГОПРОХОДНЫХ МЕСТАХ» ГАВРИИЛА НАЗАРЕТСКОГО В ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII в.

«Повесть о святых и богопроходных местах святого града Иерусалима» Гавриила Назаретского представляет собой жанровый образец проскинитария, воплотивший целый ряд типичных черт данной родо-видовой формы. Зависимость «Повести» от жанроформирующих канонов переводного путеводителя очевидна в содержательном плане, структурном и стилевом оформлении, манере повествования и основных принципах изложения и расположения материала, его пространственно-временной организации.

Типичность жанровой формы обнаруживается на уровне заглавия текста, хотя ранее мы говорили лишь об использовании в древнерусской словесности терминов «проскинитарий» и «поклоненье» применительно к называнию этих греческих по своему происхождению памятников. Как и в случае с содержанием Гавриилова сочинения, в заглавии ощущается зависимость от одножанровых переводных текстов, в основном поздних по времени создания, а также их перевода и жанровой «акклиматизации» на русской почве; это было подмечено еще первым издателем «Повести»: «В русских рукописях второй половины XVII и XVIII в. нередко можно встретить описание Иерусалима и Св. земли под заглавием “Повесть о Святых и Богопроходных местах Святаго града Иерусалима, идеже походи плотию Господь наш Иисус Христос и Пречистая Его Богоматерь, Святии же пророцы и апостоли и прочии святи”»<sup>1</sup>.

Несмотря на жанровую неопределенность и редкость употребления заглавия «повесть» в отношении переводных путеводителей, оно было столь же типично для них, как и вышеназванные. Данный термин (как и однотипные в этом случае «сказание» и «описание»), прежде всего, служил в древнерусской словесности для обозначения эпической формы повествования, не отражая при этом с большей или меньшей точностью жанровой специфики обозначаемого произведения<sup>2</sup>. Вместе с тем для русских паломнических описаний вполне могло использоваться это общее название греческих путевых справочников, которые с IX по XVII в. в греко-византийской литературе часто назывались словом *διηγημα* / *διηγησις*, соответствовавшим древнерусскому переводу — «повесть» — в значении «рассказ», «повествовательное изложение сути дела» (реже использовался термин *ἱστοριᾶ*)<sup>3</sup>. При этом чаще

---

<sup>1</sup> Долгов С. О. Предисловие // Православный Палестинский сборник (далее — ППС). 1900. Т. XIII. Вып. 1 (52). С. 1.

<sup>2</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1008—1010.

<sup>3</sup> Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 327, 638; Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. I. С. 40, 505; Коссович И. Греческо-русский словарь М., 1848. Т. I. С. 416, 906.

заглавие «повесть» (или «сказание») избиралось именно для обезличенных, близких форме типичного путеводителя описаний Константинополя или Святой Земли.<sup>4</sup>

К.-Д. Зеemann считал, что «Повесть» Гавриила Назаретского была названа таким образом из-за причастности его автора (или самого текста) к греческим корням (помимо указанного сочинения, по мнению исследователя, данный принцип действовал и в отношении «Повести о святом граде» Симеона Симоновича (в издании 1748 г.), созданной на основе византийского иллюстрированного путеводителя)<sup>5</sup>. Немецкий славист, одним из первых попытавшийся определить причины столь ограниченного употребления в древнерусской паломнической литературе терминов, которые обозначают способ повествования, отметил их абстрактность, слишком общий смысл и одновременно с этим многозначность определения, что, без сомнения, русскими книжниками ощущалось и чаще приводило к вставке дополнительных уточнений тематического характера (т. е. с указаниями темы произведения), а также второго (или даже не одного) названия, чтобы читатель уже по заглавным строкам мог сориентироваться на восприятие сочинения определенного типа (примером в данном случае может служить «Повесть и сказание о походе в Иерусалим Ионы Маленького»).

Только в процессе целенаправленного тематического уточнения такое название могло предельно точно указать читателю на жанр, к которому относится искомый текст. Подобное потребовалось и в случае с «Повестью» назаретского митрополита, впрочем, слова «о Святых и Богопроходных мѣстах Святаго града Иерусалима, идѣже походи плотию Господь наш Иисус Христос и Пречистая Его Богомати, святии же пророцы и апостоли и прочии святии» (Л. 227)<sup>6</sup> — были характерны для переводных путеводителей и, как заметим, практически идентичны вступительным строкам многих текстов, даже из числа вышеупомянутых, включая «Поклоненье святого града Иерусалима»: «Сие поклоненье святого града Иерусалима, гдѣ ходи Господь наш Иисус Христос съ святыми апостолами и пресвятая Богородица» (Л. 632). Впрочем, в данном случае, «Повесть» согласуется с традицией бытования и складывания греческих проскинитариев, выстроенных на основе предыдущих одножанровых образцов — данная тенденция была рассмотрена выше, слова С. О. Долгова о зависимости сочинения Гавриила от известных греческих описаний Иерусалима и Святой земли ее лишней раз подтверждают<sup>7</sup>, а анализ непосредственно самого текста раскроет в полной мере.

Содержание «Повести» составляет описание земель Палестины; оно строго выстроено и идет по четырем обозначенным в начале сочинения маршрутам. В краткой вступительной части, своеобразном предварительном обзоре географического расположения основных святых мест, точкой отсчета выбран Иерусалим, от которого расходятся паломнические маршруты в разных направлениях — на четыре стороны света: «отъ востока же» (Елеонская гора, восточнее нее река Иордан и за ней Аравийская пустыня), «отъ запада же» (Средиземное («Белое») море и города на его побережье: Эммаус («Эммаус»), Яффа («Иотия», или Иоппия), Лидда), «отъ полудня же» (Вифлеем, находящийся в окрестностях Хеврона «дуб Мамврийский», Синайская гора и Египет), «на полуночь же» (Аримафей, Самария, расположенный в окрестностях дороги и соединяющей города Самария и Сихарь (Сихей) «кладезь, идѣже Христось со женою бесѣдоваше», Назарет, Фаворская гора, Тивериадское озеро («Генисаретское озеро, изъ него же Иордань рождается, и море Тивериадское»), Дамаск (Л. 227–227 об.)).

Далее следует рассказ об Иерусалиме (Л. 227 об.), который не только во вступительной части, но и на протяжении всей «Повести» изображается одновременно как реальный город со своими

<sup>4</sup> На специфику данного словоупотребления в терминологии переводной путевой литературы указывал К.-Д. Зеemann, уточнивший как само собой разумеющееся использование в рукописной традиции таких общих названий прозы, как «повесть» и «сказание», для оригинальных русских паломнических описаний (правда, первое в меньшей степени, чем второе) при приоритетном употреблении и наибольшем распространении заглавий: «хождение», «странник» / «паломник» (Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Wilhelm Fink Verlag. München. 1976. S. 116–119).

<sup>5</sup> Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Wilhelm Fink Verlag. S. 118.

<sup>6</sup> ГИМ. Собр. Синодальное. № 684. Этот же список лег в основу публикации С. О. Долгова. О ркп. и издании текста см. Приложения I и IV. Текст цитируется по указанному Синодальному списку.

<sup>7</sup> Долгов С. О. Предисловие. С. II.



достопримечательностями, стоящий на горных вершинах («Святой убо град Иерусалим наверху, посредь гор Сионских»), и в качестве центрального звена повествования (в силу сакральности этого «Святого града», его традиционной значимости в системе религиозных, морально-этических ценностей, сложившейся в христианской культуре за многие тысячелетия). Создатель путеводителя далеко не случайно постоянно «держит в виду» этот главный палестинский город, периодически возвращаясь к нему, как бы далеко он ни углубился в своих описаниях, отсчитывая расстояние до него, даже если речь идет о дальних землях. Он выстраивает маршруты, соотнося и сопоставляя их с иерусалимским направлением, «прочерчивая» по своей (только ему видимой) карте стрелки к нему, даже если предполагаемая дорога идет не от Иерусалима, а в обратном направлении или же отклоняется от Святого города в другую сторону света: «Святой же Иордан-рѣка начинается от горы, нарицаемая Дана, иже есть между Дамаском и Ерусалимом. Расстояние же горы той от Дамаску дня четыре, а от Иерусалима дний четыре же...» (Л. 240 об.), «Отстоит же град Самарийский верст 38 от Иерусалима» (Л. 244 об. — 245), «И паки от святаго Савы до Иеросалима к западу версть 15, от Иерусалима же на полудень 3 версты, и ту есть монастырь святаго пророка Илии Фезвитянина» (Л. 246) и т. п.

Описание святых достопримечательностей Иерусалима, в свою очередь, предворяется очерком, посвященным его кратким географо-топографическим характеристикам и перечислению самых значимых из них: храма Воскресения Христова (он называется по главной святыни храмового пространства — Гроба Господня), дома Давыдова и церкви Святая Святых, расположенных в разных частях города соответственно: «на страну полунощную» (на севере), «къ западнымъ стѣнамъ градскимъ», «на восточную страну стѣнъ градскихъ», в дальнейшем повествование к ним вернется еще раз (Л. 227—227 об.). Фрагмент, описывающий иерусалимские святыни, начинается с самого в «Повести» объемного рассказа о храме Воскресения Христова с его памятными местами и прилегающими к нему достопримечательностями на храмовой площади перед входом (колоннами-столпами «зѣленаго, и бѣлаго, и червленаго камня» «около же вратъ церковныхъ отъ надвория»; особым «столпом» с трещиной от Благодатного огня, сошедшего, когда служителям восточной православной церкви было запрещено служить на Пасху в кувуклии Храма Гроба Господня, расположенного справа от церковных врат («отъ десныхъ страны вратъ»), а также тремя православными греческими церквями, объединенными между собой в единый архитектурный комплекс и расположенными на патриаршем дворе перед входом в храм, у его западной стены: «колокольница» и церковь Иоанна Богослова, «ина церковь Воскресения Христова»<sup>8</sup> и церковь св. Иакова, брата Господня; — здесь же во храмовый двор выходит «патриархов монастырь» — Иерусалимский патриархат и домовая церковь иерусалимского патриарха во имя св. Константина и Елены, один из древнейших храмов в Палестине, а также здание «старой патриархии») (Л. 227 об. — 235).

Рассказ о других достопримечательностях Иерусалима, находящихся в пределах древних градских стен и ближайших пригородах, начинается с перечисления десяти иерусалимских монастырей и церквей (список этот с незначительными разночтениями включался практически в каждый проскинитарий, особенно он был характерен для его поздних одножанровых образцов: монастыри св. архангелов Михаила и Гавриила, св. Николая, св. Дмитрия, св. Георгия, св. Екатерины, св. Евфимия, св. Мелании Римлянки, Рождества Пресвятой Богородицы, св. Феклы, св. Георгия (Л. 235 об.)); продолжается описанием святых мест в западной и южной части города — дом Давыдов с находящимися рядом Сионскими вратами, Сионом, на вершине которого — бывшая «великая церковь» (храм Успения, бывший Святой Сион на месте «дома Зеведеова», дома апостола Иоанна Богослова), а на южном его склоне — село Скудельниче и кладезь Иова Праведного, расположенные уже в окрестностях города, в Гинномской (Гионской) долине, южной части Кедронского потока (Л. 236—237); и в его восточной части: храм «Святая Святых и святилище», Силуамская («къ востоку за стѣною градскою во Удолѣ Плачевнѣ»,

<sup>8</sup> Одна из церквей во дворе храма названа «ина», поскольку, как и старый престол (или, по «Повести», «великий оltарь»), носит имя «Воскресения Христова», но, естественно, представляет собой другое культовое здание.

у Сиона, на восточном склоне горы Офель), Елеонская (Масличная) гора с церковью Вознесения Христа на вершине и с Гефсиманией и Гефсиманским «вертоградом» у ее подножия (Л. 237).

Описание святых мест в палестинских землях, отдаленных от Иерусалима, в проскинитарии четко выстроено по отдельным сторонам света: *на востоке* Вифания (Л. 238 об. — 239) и река Иордан с монастырем св. Иоанна Предтечи и горой Ермон в ее восточной долине, а также Иерихон и «гора Сараннар» (гора Испытания, Сорокадневная гора) на западном иорданском берегу (Л. 239—240, 240 об.), монастырские обители в Иудейской пустыне (Евдокии, св. Евфимия, св. Герасима и т. д.) (Л. 239 об. — 240) и заиорданские святые места («воды Иелисея пророка», гора Иор, гробницы пророков и проч.) (Л. 240—240 об.); *на севере* Тивериадское (Генисаретское) озеро и его окрестности: Тивериада и Капернаум (Л. 240 об.—241), — земли Галилеи: Назарет, гора Фавор и Ермон, Наин и Хоразин (Л. 241—243); *на западе* земли Кесарии по побережью Средиземного моря: гора Кармил, Птоломеада (Акка), Севастия и Самария (Л. 243 об. — 245).

Обойдя полукругом с востока на запад, через дальние северные земли, повествование вернулось к пустынной иорданской местности, «спустившись» по Иордану *в южном направлении*, к Содомскому морю и достопримечательностям в его окрестностях (Сигор и Ефрем, пустыня Каддис («Сир» — библейское название «Сур»), озеро Мерра и монастырские обители в Иудейской пустыне: Саввы Освященного и пророка Илии (Л. 245—246 об.)), к южным пригородам, близким к Иерусалиму (Вифлеем и земли вокруг него (Л. 246 об. — 248)), юго-западным и западным (Нагорная Иудея, монастырь и пустынь Иоанна Предтечи (Л. 248—249)), юго-восточным и восточным (пустынные монастыри в округе Вифлеема св. Феодосия и св. Харитона, Хеврон и дуб Мамврийский (Л. 249—249 об.)). Завершает повествование описание пути от Хеврона до Газы *в западном направлении* (Еммаус, Калони и монастырь Святого Креста (Л. 249 об. — 250)) и перечисление селений по побережью Средиземного моря, «и се над морем» («И паки от Еммауса на запад — низхождение з горы Иерусалимских на поля равныя палестинские, по край Бѣлого моря»: Кесария Филипова, Турия, Ашарон, Лидда («Лида»), Аримафея (Рамле, «Рембиль-градъ»), Яффа («Июпия»), Аскалон, Газот и Газа (Л. 250).

Оценка текста на содержательном уровне приводит к выводам о том, что в информационном плане «Повесть» мало чем уступает другим греческим путеводителям, в этом смысле она характерный их представитель. Как можно заметить, совокупность описываемых мест, зачастую последовательность их расположения, специфика отмечаемых деталей и подробностей географического, топографического, архитектурного характера типичны. Отличие данного текста на этом уровне обнаруживается в полноте охвата изображенного, границы его географо-топографического обзора шире, количество описываемых земель, безусловно, больше, а скрупулезность описания отдельных маршрутов очевиднее, нежели предусматривает традиционный проскинитарий — в первую очередь, это касается земель Галилеи и Кесарии, Севастии и Самарии, внимание к ним, как правило, или отсутствовало, или было сведено к минимуму их простым перечислением. Не исключено, что подробность и основательность, максимальная информационная насыщенность во времена появления «Повести» закрепились в качестве жанрового свойства этого справочно-документального рода литературы. Не случайно К.-Д. Зеemann подчеркивал содержательную близость Гавриилова сочинения поздним готовым иллюстрированным путеводителям XVII в.<sup>9</sup>

Как правило, материал географо-топографический, исторический сопряжен в «Повести» с материалом легендарным. Его специфика в том, что традиционно в проскинитариях библейские, апокрифические предания, местные иерусалимские и палестинские сюжеты сводятся к минимуму, ограничиваются «ссылками», краткими реминисценциями, для которых топографические характеристики служат вполне оправданным и естественным обрамлением. Чаще всего в проскинитариях легенды и предания *не рассказываются*, истории *не излагаются*, а лишь обозначаются, лишь называются или просто упоминаются; вместе с тем, безусловно, появлялись путеводители с более полными, сюжетными

<sup>9</sup> Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Wilhelm Fink Verlag. S. 344.



легендарными повествованиями. И то и другое отмечается в «Повести». Источник легендарного материала в анализируемом тексте, большей частью — Священное Писание; вместе с тем выделяются сюжеты *апокрифические* и *ветхозаветные* (о «тупе земном», о смерти ветхозаветных пророков и месте захоронения Моисея в заиорданской пустыне, о жизни пророка Илии в Иудейской пустыни, об источнике пророка Елисея в окрестностях Иерихона, о содомском жителе Лоте, об озере Мерра в пустыне с библейским названием «Сур», о рождении Иоанна Предтечи в Нагорной Иудее, о дубе Мамврийском и т. п.), *новозаветные* (о Распятии Иисуса Христа и событиях, его сопровождавших: заключении в темницу, «разделении риз», одежд Иисуса между распявшими его римскими солдатами, обращении его к плачущим «женам», «дщерям Иерусалимским», «омовении» главы Адама под Голгофой, «водружении креста», первом явлении Христа Марии Магдалине и т. д., практически обо всех событиях земной жизни Христа, связанных с описываемыми в «Повести» поклонными местами — их «блок» наиболее представлен к тексту), — а также *предания местного происхождения* (о месте обретения св. Еленой, матерью императора Константина Великого, «честного креста», на котором был распят Иисус, о святых отцах, «избиенных» сарацинами на горе Сараннар, о «рождении» и течении Иордана и т. п.). В их подаче и интерпретации «Повесть» практически ничем не отличается от своих одножанровых образцов.

Однако к числу последних относятся два наиболее выделяющихся местных предания: о колонне с трещиной, стоящей на храмовой площади перед храмом Воскресения Христова — «среднем» столпе «белом», который «разпучеся отъ здолу на трехъ мѣстахъ пречюднѣ» от огня Божественного после запрета православным служить на Пасху в главной иерусалимской церкви, при Гробе Господне (Л. 233—234), и о домово́й церкви во имя св. Константина и Елены при иерусалимском патриархате, которую спас от посягательств «турского закономерзского учителя» святой Константин (Л. 234 об. — 235). Примечательны они не только формой (представляют собой достаточно объемные, по сравнению с другим легендарным материалом, истории, сюжетно организованные), но спецификой содержания, прежде всего, попыткой автора привязать их к конкретным историческим событиям и лицам.

Так, в местном предании о «некоем столпе» («...и тако изгнаша благочестиваго патриарха из великия церкви Гроба Христова. И тако в Великую субботу сами покусишася вжещи свѣщи на Гробѣ Христовѣ и не возмогоша окаянни. Патриарх же благочестивый пред враты церковными с вѣрными людьми стояше при восходах стола Святыя царицы Елены, к востоку от врат церковных; и тако преславно и паче естества внезапно распучеся столп от десныя страны врат, и изыде, яко молния, свѣт из нея...» (Л. 233—233 об.)) четко заявлен ряд исторических реалий: во-первых, описываемое чудо происходило со «столбом» «во время салтанъ Амирака, царя Египетского, Иерусалимскаго», во-вторых, в Константинополе в это время правили и приходили в Иерусалим венецианцы-крестоносцы («въ Царѣ-градѣ не бѣ въ то время царя, но венегиане обладали тогда въ Царѣ-градѣ, и тии венегиане папежцы суть»), в-третьих, в Иерусалиме патриаршествовал Дорофей, «иерусалимлянина родомъ». Хотя эта история могла произойти в любое время, поскольку в большей степени она назидательна, служит подтверждению истинности веры христианской, даны, видимо, для большей достоверности изложенного, казались бы, точные исторические ориентиры. Однако еще Х. М. Лопарев указывал на исторические несоответствия, смешение фактов, относящихся к разным эпохам, в этом по виду исторически достоверном рассказе<sup>10</sup>.

И они, действительно, обнаруживаются. Прежде всего, неясно, кто же правил Иерусалимом и изгнал православных христиан из храма Воскресения Христова: египетские султаны, захватившие город в 1187 г., или турки — Иерусалим вошел в состав Османской империи в 1517 г. (не исключается, что в рассказе речь идет о турках лишь по аналогии с современными автору историческими обстоятельствами, когда их присутствие в палестинских землях, находившихся под властью Османской империи, было наиболее очевидно; первоначально же в данной легенде основными персонажами были «салтан», «царь Египетский» и его подданные).

<sup>10</sup> Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Рукописи в четвертку. СПб., 1893. Ч. 2. С. 349—350.

Непонятно, какого «салтана Амирака, царя Египетского, Иерусалимского» имеет автор в виду. Х. М. Лопарев приводил две возможные кандидатуры: Malek Adhel Seifeddin Aboubekre I (1200–1218) и Amurat I (1359–1389). Если автор «Повести» имел в виду турецкого султана Мурада I, третьего сына султана Орхана, необходимо учитывать, что Палестина в то время не принадлежала Турции, о правлении турецких султанов на ее территории не может быть и речи, тогда как сюжет легенды строится именно на вынужденном подчинении православной паствы Иерусалима иноземцам и иноверцам. Если время действия в легенде относится к началу XIII в., ко временам правления в Иерусалиме египетских султанов, то «Амирак, царь Египетский, Иерусалимский» — это, без сомнения, Сафа-ад-дин аль-Малик аль-Адил, брат султана Салах-ад-дина<sup>11</sup>. Сафа-ад-дин (Сайф-ад-дин, Исайф ад-дин, Сафади), известный под титулом «аль-Малик аль-Адил» («благородный правитель»), руководил страной еще при жизни Салах-ад-дина в его отсутствие во время военных походов, а после смерти брата в 1200 г. стал его преемником, продолжателем тюркской династии Айюбидов (Айубидов, Эйюбидов), и был правителем Египта и завоеванных им земель до кончины (1218 г.)<sup>12</sup>.

Вместе с тем, возникает вопрос: о каком временном промежутке может идти речь в данной легенде, если описание опирается на правление в Константинополе «венецианцев», встает проблема выбора конкретного крестового похода «на Царьград». Если руководствоваться нашими последними предположениями, то под «владычеством венециан в Царьграде», видимо, имеется в виду четвертый поход крестоносцев (1202–1204 г.) на Константинополь, завершившийся тем, что в 1204 г. столица Византии была захвачена и разграблена, а на развалинах Византийской империи была создана Латинская империя. Возможно, речь могла идти и о 1229–1244 г., поскольку итогом шестого крестового похода (1228–1229), закончившегося в 1229 г. мирным договором с египетским султаном, стало временное возвращение Иерусалима «венецианцами», ранее утратившими власть над городом и пытавшимися во время неудачного пятого крестового похода (1217–1219 г.) на Египет ее восстановить, но в 1244 г. город окончательно был отвоеван у крестоносцев египтянами-мусульманами<sup>13</sup>. Однако данные хронологические рамки (1229–1244 г.) не соответствуют времени правления «Амирака», Сафы-ад-дина аль-Малик аль-Адил, к тому же известно, что во время своего правления он не только умело управлял Египтом, но и сохранял преимущественно мирные отношения с крестоносными правителями (что подтверждается и ходом развития сюжета анализируемой нами легенды). В результате подобных рассуждений и подбора ряда фактов становится понятно, что во времена правления турецкого султана Мурада I Константинополь принадлежал не «венецианцам», а египтянам, под властью которых он оставался до 1453 г., когда его захватили турки-османы, то есть данное предположение не подтверждается повторно.

Все приведенные выше факты говорят о том, что легенда опирается на исторические события начала XIII в., когда Палестина находилась под властью Египта, а в Иерусалиме правил египетский султан Сафа-ад-дин аль-Малик аль-Адил, который вполне мирно уживался с «венецианцами», господствовавшими в Константинополе после своего четвертого крестового похода, однако противоречие возникает при упоминании имени иерусалимского патриарха Дорофея, тогда как по исторической логике должен быть назван Феофан. В начале XIII в. престолом св. Иакова в Иерусалимском храме Воскресения Христова управлял патриарх Феофан<sup>14</sup>, а Дорофей I патриаршествовал в конце XIV в. (что в данном случае соответствует годам жизни и времени правления в Турции султана Мурада I — 1359–1389 г.)<sup>15</sup>.

<sup>11</sup> Именно он, став в 1171 г. правителем, начал завоевательные войны Египта против Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии.

<sup>12</sup> Зелнев Е. И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 110, 114.

<sup>13</sup> Семенова Л. А. Салах-ад-дин и мамелюки в Египте. М., 1966. С. 22.

<sup>14</sup> Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. III. С. 690. Здесь же см. указание: «По Паламе после Никифора II Досифей 1167–1190, затем Афанасий II до 1223 г. и Леонтий 1223–1261, а Феофана нет».

<sup>15</sup> Там же. (См. указание: «Дорофей I в кон. XIV в. (1347–1395 у Паламы)»). Помимо упомянутого Дорофея, более патриархов с таким именем в истории иерусалимской патриархии не было, за исключением Дорофея II, который возглавлял патриарший престол в сер. XVI в. (1493–1534).



С именем патриарха Феофана связано в «Повести» еще одно предание, рассказывающее о том, как «во время же Феофана патриарха, въ первый годъ патриаршества его, покусися турский закономерзский учитель да потучить церковь Святаго Константина и Елены», но по молитве монастырских старцев «Святыи Константинъ явственъ пришедь, и предъ всѣми оногo злочестника уби, и смерти преда» (Л. 235). Кроме имени, в рассказе нет более никаких исторических указаний, да и упоминание Феофана, строго говоря, таковым можно назвать с изрядной долей условности, поскольку, о котором именно патриархе идет речь, все-таки неясно: об упомянутом нами выше Феофане I, о Феофане II (1427–1442) или Феофане III (1453–1457)<sup>16</sup>. Лишь одно обстоятельство может конкретизировать данный рассказ — упоминание «турских закономерзских» посягателей на православный храм, с которыми столкнулся и которых одолел Феофан. Подобными эпизодами, более или менее достоверными, более или менее объемными и сюжетно развернутыми, наполняются паломнические описания древнерусских книжников с XVI в., во времена правления на землях Палестины Османской империи (к примеру, упомянем рассказы из «Хождения Василия Позняка» и «Хождения Трифона Коробейникова»). В данном случае в «Повести» речь могла идти о наиболее близком митрополиту Гавриилу по времени — патриархе Феофане IV (1608–1644), тем более закономерным и исторически объяснимым выглядит в данном случае его противостояние с желающими «потучить церковь Святаго Константина и Елены» и помощь ему высших сил — Святаго Константина.

Исходя из ряда подобных исторических несоответствий, можно предположить, что легенда зародилась в XIII в., а в XIV и XVI столетиях произошли наложения других исторических фактов<sup>17</sup>. От XIV в. в легенду пришло имя патриарха Дороефа, а от XVI — упоминание владевших Иерусалимом турок, в этом виде она и дошла до текста «Повести». Это подтверждает тот факт, что, скорее всего, «Повесть» создавалась после 1517 г., то есть в это время, когда исторические факты и персонажи истории XIII и XIV в. смешиваются друг с другом и практически не различаются). Таким образом, в содержательном и смысловом плане сочинение открывает не только одно из свойств повествования (многообразие представленного материала), но и возможность интерпретаций текста, его географо-топографических, исторических и легендарных составляющих и более точных датировок.

Отталкиваясь от содержательной полноты, соответствующим образом оцениваем и специфику текста с композиционной точки зрения. Вряд ли можно утверждать, что в данном случае повествование о святых местах строится в форме концентрических кругов, расходящихся вокруг Иерусалима, как в «Поклонении святого града Иерусалима». Однако и в «Повести» выстраивается четкая структура текста, содержание которого полностью зависит от паломнических маршрутов по палестинским (в данном случае) землям в разных частях света — создатель этого «путника» обычно точно определяет все направления, по которым расходятся его экфрасисы (указания типа: «От запада же Иерусалима...», «От полудня же его...», «Ошуюю же дому Давыдова...», «Ту же, надесно от Сиона к полудню...», «Езеро же Генисаретское лежит на равнѣ на восток от горы...», «По другой же странѣ горы Дана к западу, на край моря Бѣлаго...» и т. п. — становятся в данном случае определяющими).

Повествование путеводителя в связи с этим выстраивается по определенному плану, довольно последовательному и рассчитанному, скорее всего, на несколько паломнических «хождений», который может быть представлен в виде сменяющих друг друга композиционных «блоков»: 1) краткий очерк в качестве географо-топографического вступления; 2) самый крупный фрагмент в описании Иерусалима, посвященный храму Гроба Господня; 3) перечень 10 иерусалимских монастырей и экфрасисы о прочих святых достопримечательностях в западной, южной и восточной частях Иерусалима, в пределах его градских стен и его ближайших пригородов; 4) рассказ об отдаленных от Иерусалима палестинских

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Опираясь на эти же исторические несоответствия, Х. М. Лопарев сделал вывод, что «вероятно, легенда о церкви святых Константина и Елены относится к XV в.» (Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Рукописи в четвертку. С. 350).



землях на востоке, севере, западе, юге; 5) обзор пути от Иерусалима к Египту по Средиземному побережью, обычно ведущего к морским маршрутам; 6) заключение, подытоживающее материал путеводителя («До здѣ описание Земли Святыя, идѣже Господь наш Иисус Христос пречистыми своими ногами походи и общую спасения нашего тайну исправляющи» (Л. 250 об.)), и в зависимости от списка (см. выше) приписка, датирующая текст и атрибутирующая его Гавриилу Назаретскому. Такова *макроструктура* «Повести», включающая шесть фрагментов, оказавшихся разными и по содержанию, и по своему утилитарному назначению, но с точки зрения общей функциональности (то есть дальнейшего использования текста в качестве справочного материала) проскинитарий полностью соответствует выработанным законам формы, выполняя свое предназначение.

Оценка отдельных экфраисов, на которые, по сути, делится все повествование проскинитария, созданного по очерковому принципу, на уровне *микроструктуры*, многосложна. Ярким примером может стать краткий вступительный очерк (Л. 227–227 об.), воплотивший практически все особенности повествования, присущие данной «Повести», в частности и жанру проскинитария, в целом. В нем, как отмечалось выше, указывалось на наиболее важные направления паломнических маршрутов и святыне достопримечательности, с ними связанные, и, первое, что отмечаем: значимы как объект повествования оказываются не только страны (Египет, к примеру), или города и села (Вифлеем, Еммаус), или моря (Средиземное), реки и озера (Иордан, Тивериадское озеро), но и те святыне места, которые географически, возможно, не будут иметь никакого значения — их обозначения существуют только на карте паломника, помнящего о «карте» мира Священного Писания — они могут быть не привязаны к какому-либо конкретному месту, как, к примеру, дуб Мамврийский, в данном случае он значим как элемент сакрального пространства, и его точное географическое положение определится при более подробном описании маршрута в дальнейшем (Л. 249), но не сейчас. Второе: структура вступительного очерка такова — указываются только направления следования, в двух случаях предлагается предельно краткая географо-топографическая характеристика Генисаретского озера («изъ него же Иорданъ рождается»<sup>18</sup>) и Дамаска («градъ великий»), но не более того.

И последнее: также дважды путеводитель дает легендарную ссылку, оба раза прочитывается указание на евангельские рассказы — в связи с упоминанием Елеонской горы (хорошо известно, что «отъ нея же вознесся Господь нашъ Иисусъ Христосъ на небеса» (Л. 227)) и кладезя, находящегося в окрестностях дороги, между городом Самария и городом Сихарь (Сихей). В последнем случае место расположения «кладезя» не указано, и лишь по библейской истории (имеется в виду рассказ Евангелия от Иоанна) можно определить, что речь идет о колоде у города «Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу» (Иосифу Прекрасному), где Иисус, ожидая ушедших в город за пищей апостолов, беседовал с женщиной из племени самарян, с которыми иудеи в те времена не общались (Иоан. 4, 5–26). В анализируемом очерке (и в этом смысле он показателен) основные черты «Повести» типичны для жанра паломнических путеводителей: основной объект поклонения — сакральные места, вне зависимости от величины и географо-топографической значимости и ценности; краткость и деловитость повествования; практически всегда обязательное наличие лаконичных библейских и евангельских отсылок. В данном случае имеем не столько описание, сколько перечисление, не очерк, а большей частью — краткую отсылку к «первоисточнику» — Священному Писанию.

Таким образом, описание отдельной святыни, в зависимости от ее ценности в христианском мире, истории ее почитания и поклонения ей на протяжении столетий, особенностей и количества событий библейской истории, с нею связанной, нередко ее нынешнего состояния и проч., может заключаться в рамки одного целостного и законченного очерка (примеры наиболее многочисленны: дом Давыдов,

<sup>18</sup> Причем не совсем ясно, почему в текст закралась неточность, никем не исправленная. Дело в том, что «Генисаретское» — ветхозаветное название Тивериадского озера (а не «моря»), имеется еще новозаветное название — «Галлилейское», и непонятно, по каким причинам в путеводителе называются одновременно два названия, причем, как можно понять из его указания, подразумеваются два разных озера.





Сион, Святая Святых, Скудельничье и т. п.) или охватывать несколько очерковых записей, «мини-очерков» (образцово в данном случае повествование о Святом Гробе в границах храма Воскресения Христова, представленного, как и в реальности, в виде целостного архитектурного комплекса, и показательно — о городе Назарете и его пригороде), соединенных, прежде всего, содержательно и не всегда композиционно. Как, например, в случае с Иерусалимом и Иорданом — рассказ о них оказался разделен на две (а о Иордане, можно сказать, на три) части, между которыми сообщения о памятных местах их окрестных земель: «Отсюда же, на восток низходи из горы, до Иордана верст двадесять и семь. Святыи же Иордан — рѣка глубока и широта яко четьредесять сажени в ширину...» (Л. 239), «Святыи же Иордан-рѣка начинается от горы, нарицаемая Дана, иже есть между Дамаском и Ерусалимом. Расстояние же горы тоя от Дамаску дня четьре, а от Иерусалима дний четьры же. Рождение же Иорданово от езера Генисаретского...» (Л. 240 об.), «Паки же повѣствуем о святѣм Иорданѣ. Святыи же Иордан паки изходит от моря Тивириадского, и течет на полдень, и входит в море Содомское...» (Л. 245). Причем в случае с Иорданом любопытно, что дважды начатое вновь описание становилось одновременно с этим началом новых очерков: о Тивириадском озере и Содомском море.

Очерки «Повести», как правило, вне зависимости от их объема, включают следующие структурные компоненты: указания на расположение той или иной святой достопримечательности относительно других географических пунктов, время в пути, необходимое для ее достижения (измеряется, как правило, в верстах и в количестве дней путешествия<sup>19</sup>), протяженность (чаще, если речь идет о городе, реке и т. п.), топографические особенности, величину (части устойчивые выражения, типа «град велик», «церковь зело велика»), наличие укреплений, ворот и проч. вокруг или поблизости (к примеру, «Забрала же или стѣны града Иерусалима каменные, и обхождения около же стѣн тѣх есть пять верст» (Л. 227 об. — 228), обилие проживающих в восточных землях конфессий (черта, ставшая своеобразной исторической «приметой» текста втор. пол. XVI — XVII в.), а также легендарные ссылки — упоминания библейских и евангельских сюжетов, память о которых освящает ту или иную палестинскую достопримечательность (такие «святыя воспоминания» достаточно традиционны и для жанра в целом, и в данном тексте в том числе).

Крайне редко отмечается в «Повести» характеристика географического объекта или архитектурного строения с эстетической точки зрения; оценка архитектурного облика, внутреннего убранства, скульптурных, иконописных и живописных «узоров» и т. п. если и включается в повествование, то, как правило, сосредоточивается на внешних и самых общих чертах и не рассчитана на пространные, подробные, богатые на частности (К.-Д. Зеemann, в частности, отмечал, что в сочинении Гавриила практически отсутствуют указания на количество подсвечников, «кандил», разных религиозных общин в церквях, столь многочисленные не только в поздних проскинарриях XVII в., но и в ранних текстах<sup>20</sup>), «изобильно» украшенные художественно-изобразительными средствами описания. Касаются они, большей частью, церковных и храмовых зданий, монастырских обителей: «Есть же во Святыи велицѣи церкви гроба Христова болше пятидесят великих столпов каменных, зѣло толстых и высоких, и вся церковь мусиею красно исписана. Та же врата Святая церковная от полудня, и пред враты зѣло красный двор, досками бѣлаго камени послан; около же врат церковных от надвория — столпы зѣленаго, и бѣлаго, и червленаго камня» (Л. 232 об. — 233), «И ту есть церковь зѣло красна...» (Л. 239), «Паки же на полудень града есть монастырь зѣло красный» (Л. 242 об.), «Вся же святая пещера бѣлым мрамором около и по земли обложена, а от верху мусиею изписана; и кандилы или лампы

<sup>19</sup> «И тако от церкви Вознесения Христова к востоку, яко полторы версты...» (Л. 238 об.), «Отсюда же, на восток низходи из горы, до Иордана верст двадесять и семь...» (Л. 239), «Таже от Сарандаря к западу пять верст...» (Л. 239 об.), «Море же сие Тивириадское около иматъ обхождение яко на семьсот верст...» (Л. 241), «Отстоит же Севастия от Хоразина 30 верст» (Л. 244) и т. д.; «...и до Иопии, и до Лиды — един день дороги» (Л. 236), «Расстояние же горы тоя от Дамаску дня четьре, а от Иерусалима дний четьры же» (Л. 240 об.), «...и чрез тую пустыню до Синайские горы семь дней дороги...» (Л. 245–245 об.) и т. д.

<sup>20</sup> Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Wilhelm Fink Verlag, S. 119.



многие суть, и нѣсть еретического ничтоже, точию благочестивых» (Л. 247). Другие примеры из текста объясняют причины подобной избирательности — в данном случае греческие проскинитарии и русские хождения сходятся в эстетических представлениях: в пределах Святой Земли величие и красота раскрываются не столько во внешних характеристиках ее объектов, сколько в той легендарной истории, которая их освящает — указания на приуроченные к ним библейские события делают эти места по-настоящему прекрасными («И оттуду изходит великое благоухание и зѣло сладкое. Покров же и стѣны на Голгофѣ мусиею и камением рукописным украшены прекрасно» (Л. 231), «И ту, верху горы тояград великій и церкви многие, камение и дресеса многие, есть же и вода чюдна, из камени изходящая, и николи же не испражняется, но всегда равно течет, зане же здѣ Христос преобразися (о Фаворе)» (Л. 241 об.), «Ту же есть церковь велика и зѣло красна над святым вертепом, юже содѣла святая Елена-царица, и в той церкви есть столпѣв каменных червоныхъ пятьдесят. Во святѣй пещерѣ, идѣже родися Христос, благоухание зѣло сладкое, непрестанное» (Л. 246 об. — 247).

Спецификой очерковых статей в «Повести» Гавриила стала подчеркнутая связь описаний святых мест с историей их современного бытования: их *нынешнее состояние* — доступность и сохранность («...и ту есть Святая Святых и святилище, и ту турки мечем мают и вѣрныхъ людей тут не пуцают...»<sup>21</sup> (Л. 237), «Ту же бяше прежде и великая церковь, нынѣ же разориша турки от основания... (о Сионе)»<sup>22</sup> (Л. 236 об.), «И ту новою мечеть турки здѣлали... (на склоне Елеонской горы)» (Л. 238), «В том потоцѣ есть монастырь Евдокии царицы... и нынѣ стоит пуст» (Л. 239 об.), «В том же потоцѣ выше есть пустыи и разореный монастырь Святаго Евфимия» (Л. 240), «Паки же на полудень града есть монастырь зѣло красныи, и то прикупѣли папержники от турков за златницы, и пребывают папежские чернцы грѣх ради наших и нищеты ради... (о Назаретском монастыре)» (Л. 242—242 об.), «Есть же град Назаретский больше, пуст от злб воевод турских» (Л. 243), «Ту же есть гроб честнаго Крестителя Иоанна и церковь... обаче пуста, занеже нѣсть ту Християн, точию турки» (Л. 243 об. — 244), «Ту же христиан не обрѣтается ни мало, но точию турки... и тако до году пуста стоит (в Нагорной Иудее)» (Л. 248), «...и ту монастырь святаго Феодосия общежителя, пуст и разметан, и ничто же ту не обрѣтается (монастырь в окрестностях Вифлеема)» (Л. 249) и т. д.); *принадлежность той или иной религиозной конфессии* («Обрѣтает же ся болше дванадесять тысячь домов турских, христианских, жидовских и еретическихъ внутри града» (Л. 228), «Около же Гроба Христова, покрай стѣны церковныя, под непокрытымъ покровомъ церковнымъ имут еретицы тоя олтари: папежницы от лѣвья страны имут свою капицу или олтарь, от запада же — яковити, надесно же — габежи, близу же тѣх — копты, ко Святымъ вратамъ церковнымъ, над ними же от верху — каморы арменския»<sup>23</sup> (Л. 232—232 об.), «...и ту есть старая патриархия, и ту турки живут» (Л. 234 об.),

<sup>21</sup> Одна из древних и почитаемых в Иерусалиме церковь, действительно, очень рано перестала быть православной обителью, с XII в., после многих перестроек и переходя от одних завоевателей к другим, она стала принадлежать «слугам Аллаха», к описываемым временам турки-мусульмане прекратили доступ к ней православных людей.

<sup>22</sup> Древняя Сионская базилика, восстановленная в XIV в., после многочисленных разрушений, в XVI в. от францисканцев, долгое время владевших сенаклем, перешла к мусульманам и была превращена в мечеть.

<sup>23</sup> Здесь перечислены отдельные приделы, принадлежащие католикам-«папежницам» и еретикам, «иноверцам», с точки зрения ортодоксального православия: яковитам, «габежам» (или «хабежам», абиссинцам, исповедующим христианство), «коптам» (египтянам, исповедующим христианство), «армянам» (православные названы в одном ряду с «еретиками», возможно, потому, что впервые свой «удел» в храме Гроба Господня они получили не ранее начала XIII в., практически в одно и то же время с ними здесь появились представители многочисленных христианских общин и сект: копты, абиссинцы, несториане, халдеи (теродиты), марониты; в то же время не исключено ошибочное написание названия «ариане», означающего также представителей христианского течения, зародившегося на Востоке в IV—VI в.) — практически все перечисленные представители «ересей» являются сторонниками христианского учения монофизитов. Как видим, в данном случае «Повесть», подобно описаниям русских паломников, отражает «многоконфессиональность» храма Гроба Господня, указывая на факт храмового деления между сторонниками различных вероисповеданий, причем, в силу жанровых особенностей проскинитария, в данном случае имеем полную эмоциональную «нейтральность» повествования, чего, как правило, бывают лишены подобные рассказы русских паломников, изобилующих эпитетами, проникнутыми резким неприятием «еретиков бесящихся». В «Повести» данный факт воспринимается как данность, отношение к которому не выражено даже в малой степени, поскольку оценочно-эмоциональный элемент не соответствует канонам данного жанра.

«Есть же гроб Пречистыя Богородицы посреде пещеры, и около гроба — многие олтари еретических; благочестивых же престол — на восток от гроба...» (Л. 237 об. — 238), «Во градъ Вифлиемъ христианъ и турки пребывают; имут же здѣ и чернцы папешские, и арменские» (Л. 247 об.) и т. д.); особенности обрядовой практики или жизни священнослужителей при них («И тако клепят в желѣзные и древяныя клепала, и бывает служба Святаго Василия и прочее послѣдование правила» (Л. 232), «И ту бывает литоргия на Вознесение Христово и в субботу Лазареву: поставляют шатер над Святым престолом вѣрные и тако совершают Святую службу» (Л. 238), «И ту во вертепѣ мѣсто на восток, идѣже родися Христос; ту же бывает святая литоргия по вся дни... Ту же пребывает митрополит Вифлиемскій» (Л. 247), «Дают же той церкви и турки от всѣх стран оброки и на масло ломпадам исцѣленей ради и чудес страшных... исцѣляет турков и христиан» (Л. 248), «И ту есть монастырь грузинскій, и чернцы Грузи благочестивии и своима рукама дѣлают нивы, сѣют, орут, и жнут, и винограды копят, и посторонних и пришельцов кормят и поят» (Л. 249 об. — 250) и т. д.)<sup>24</sup>.

Количество подобных записей не абсолютно, однако встречаются они достаточно часто. Очевидно, что большую часть из них составляют путевые указания на турок-мусульман, владевших в то время землями православного Востока; не случайно их упоминание становится дополнительным фактором, датирующим текст. В данном случае, скорее всего, также имеем дело с приметой поздних проскинитариев XVII—XVIII в., в которых включение подробностей историко-географического плана становится если не обязательным жанровым каноном, то отмечается все чаще и чаще.

Таким образом, как правило, имеющиеся в очерках «Повести» описания выстраиваются согласно указанной выше схеме с большими или меньшими отклонениями. Чаще всего заключенные в проскинитарии в рамки очерка описания святых по своему содержанию имеют смешанный характер; в отличие от русских хождений, этого рода литературе не свойственна классификация очерковых записей, различающихся, прежде всего, по объекту изображения, на военно-топографические, торгово-топографические, этнографические, бытописательные и т. п. (в данном случае на примере «Повести» вновь прослеживается отличие жанровой заданности греческих путеводителей от видовой специфики русских хождений)<sup>25</sup>. В статьях «Повести» преобладает измерительный принцип повествования, способ геометрически-схематического описания, который, в свою очередь, во многом определяет характеристику проскинитария как текста с материалом, изложенным сухо, по-деловому, в повествовании которого подавляются какие-либо личные впечатления и собственные эмоции и чувства (даже религиозного плана) его автора. То есть речь в данном случае не идет о той силе воздействия, какую обретают хождения, каждый образец которых изначально нацелен на гармоничное сочетание художественного и документального элементов, по причине чего и обретало силу эмоционально-религиозного / художественно-эстетического воздействия, а следовательно, притягательность для читателей / книжников / редакторов. Жанровые приоритеты в сочинении расставлены четко — основным в нем является не столько описание, сколько сведение к единому перечислению, своеобразной «каталогизации» максимального, с точки зрения его создателя, количества святых достопримечательностей с набором лаконичных, необходимых в каждом конкретном случае характеристик, определяющих большей частью их месторасположение.

Как и в большинстве переводных проскинитариев, в тексте Гавриила анализ микроструктуры приводит к обнаружению трех основных разновидностей очерковых статей: *очерк-описание* (как правило, описание схематично, художественно не обогащено и минимизировано по набору основных характеристик

<sup>24</sup> Мы имеем в виду не выражения типа: «...и до нынѣ из тое разѣлины вода течет...» (Л. 248 об.) — они традиционны и представляют собой устойчивые выражения, назначение которых подтвердить сакральность описываемых мест к границам времени вечного: от прошлого до будущего. Столь же типичны они были и для русских хождений, к сфере «исторического» они не имеют отношения.

<sup>25</sup> См., например, Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров в русской литературе XI—XVI вв. // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 25—30; Травников С. Н. Композиция «Хождения» Иоанна Лукьянова // Литература Древней Руси. Сб. научных трудов МГПИ им. В. И. Ленина / Под ред. Н. И. Прокофьева. М., 1983. Вып. 4. С. 110—116.



— перечисление основных достопримечательностей в данном случае обязательно «привязано» набором географо-топографических и легендарных характеристик к той или иной местности, но таких экфрасисов, чья специфика определена жанровым назначением, в «Повести» большинство<sup>26</sup>); *очерк-перечисление* (в тексте их достаточно много, но наиболее ярким, «сконцентрированным» примером в данном случае может служить список иерусалимских монастырей (Л. 235–236)<sup>27</sup> или, к примеру, «каталогизированный» перечень иорданских земель (Л. 240 об. — 241)<sup>28</sup>, географических пунктов на средиземноморском побережье (Л. 250)<sup>29</sup>); *сюжетные очерки*: не нарушающее традиций путеводителя в интерпретации подобных сюжетов описание схождения Божественного огня на Гроб Господень накануне Пасхи в храме Воскресения Христова (Л. 231 об. — 232 об.), предание о столпе «белом», который «разпучеся отъ здолу на трехъ местахъ пречюднѣ» от огня Божественного после запрета православным служить на Пасху в храме Воскресения Христова (Л. 233–234), рассказ о спасенной святым церкви во имя св. Константина и Елены (Л. 234 об. — 235)<sup>30</sup>. Если первые два типа очерка отличаются жанровой типичностью и «Повесть» в этом смысле не выделяется в ряду идентичных источников, то последний из них (сюжетный очерк), представлен жанром путеводителя в меньшей степени и скорее исключение, чем правило; возможно, что появление подобных фрагментов в «Повести» вызвала специфика текстов той эпохи (включая поздний греческие проскинитарии), именно в расчете на русского читателя XVII в., для которого подобные паломнические повествования (в лице «Хождение Трифона Коровейникова») были уже более привычны и, даже более того, обладали наибольшей притягательностью.

Очерки путеводителя перечисленных разновидностей, следовательно, могли быть самыми разными по объему (от одной фразы до крупного фрагмента), имели содержательные и смысловые отличия. Тем не менее, в «Повести» они прочно связаны друг с другом в единую цепь по пространственно-топографическому принципу. Так, своеобразной «границей», одновременно связывающей и отделяющей очерки, становятся их начальные фразы, как правило, с конкретным географо-топографическим указанием на местоположение того или иного объекта или направление, в котором он расположен. Например,

<sup>26</sup> К примеру, описание дома Давыдова («Стоит же дом Давыдов от западныхъ страны града Иерусалима. Стѣны же дому Давыдова зѣло тверди, и рови около каменныя глубоки. Ошуюю же дому Давыдова, яко каменю вержение, и ту врата градские, зрящия к западу. И тѣми враты изходят до Еммауса, и до Иопии, и до Лнды — един день дороги; ту же и море великое, еже глаголется Бѣлое море, им же отходят и в Царь-град, и во всякую страну, идѣже кто хочет, по тому морю отходит») (Л. 236)) и Святого Сиона («От дому же Давыдова на десно к полуденной странѣ — градская врата, нарицаемая Сионская врата, ими же исходят на полуденую страну. Ту же, пред враты, нарицается Сион; и ту быше дом Зеведеов, идѣже бѣ Тайная вечеря и умовение ног; ту же и Дух Святыи на апостолы сниде; ту же и Пречистыя Богородицы Успение бѣ. Ту же быше прежде и великая церковь, нынѣ же разориша турки от основания; на мѣсте же том гроби христианския, идѣже погребаютъ благочестивых. Ту же, на десно от Сиона к полудню, долина есть великая...») (Л. 236–236 об.)).

<sup>27</sup> «Обрѣтают же ся и еще многое церкви и монастыри во Святѣм граде Иерусалимѣ даже и до днесь. Во-первых, святаго архангела Михаила и Гавриила, и ту суть чернцы, и той нарицается монастырь Сербский — Святыи Милитин согради ю. Другая же церковь — Святаго Николы, и ту иверские чернцы; и Святыи Димитрий, и ту патриарховы чернцы; и Святыи Георгий, и ту черниц множество; и Святае Екатерина, и ту черницы многие; и Святыи Евфимий, и ту мало чернцов; и паки Святае Мелани Римлянки храм; Рожество Пресвятыя Богородицы, ту дѣвический монастырь, и тугепсиманские черницы; и монастырь Святыя Феклы, и ту подворья пришельцов на поклонение; и Святыи Георгий, и ту едини чернцы. Суть же и прочии святае церкви, в них же точно единою в год служат») (Л. 235–236).

<sup>28</sup> «Святыи же Иордан-рѣка начинается от горы, нарицаемая Дана, иже есть между Дамаском и Ерусалимом. Расстояние же горы тоя от Дамаску дня четыре, а от Иерусалима дний четыре же. Рождение же Иорданово от езера Генисаретского. Езеро же Генисаретское лежит на равнѣ на восток от горы Дана. По другой же странѣ горы Дана к западу, на край моря Бѣлаго — Тир-град. От того же езера Генисаретского на восток течет Иордан, и низходит на восток даже до поля Кидарского, и паки возвращается до полудня, и возходит наедино с рѣкою, глаголемою Иором, иже приходит из пустыни от горы Иора от востока, и входят разом или наедино в море Тивириадское») (Л. 240 об. — 241).

<sup>29</sup> «И паки от Еммауса на запад — низхождение з горы Иерусалимских на поля равныя палестинские, по край Бѣлого моря. И ту суть гради палестинския: первый град — Кесария Филипова (в се же время пуста); второй — Турия; третий — Ашарон, Лида (и ту гроб святаго мученика Георгия, и бывае исцѣление недужным). И паки Рембил-град, и ту церковь святаго Георгия, град Иопия, и се над морем: Аскалон, Газот, Газа») (Л. 250).

<sup>30</sup> В данном случае не указываем на многочисленные, использованные в «Повести» библейские и апокрифические сюжеты, они, безусловно, важны и семантически значимы, однако представляют собой, скорее, своеобразные сюжетные «вставки», «отсылки», так называемый сюжет в «зародышевой» форме, а не законченное, целостно организованное сюжетное повествование.



переход от описания дома Давыдова к горе Сион и святыням, расположенным на этой иерусалимской вершине, и от Сиона — к Храмовой горе со Святой Святынь («От дому же Давыдова надесно к полуденной странѣ — градская врата, нарицаемая Сионския врата, ими же исходят на полуденую страну» (Л. 236—236 об.), «Таже паки от врат Сионских на восток при стенѣ градской, и ту есть Святая Святынь и святилище...» (Л. 237)), от описания святых мест в древней, центральной части Иерусалима (т. н. Старого города) к землям, расположенным восточнее Иерусалима, точнее: от Святой Святынь и Силуамской купели к Гефсимании («И паки от святилища на полуночь и та врата градския, глаголемья Гефсиманския, зрящия к востоку» (Л. 237)), от Гефсимании к Елеонской горе («Та же на восток от Гефсимании восходят на гору Елеонскую...» (Л. 238)), от Елеона к Вифании («И тако от церкви Вознесения Христова к востоку, яко полторы версты, и ту есть Вифания...» (Л. 238 об.)), от Вифании к Иордану и его окрестностям («Отсюда же, на востокъ низходи из горы, до Иордана верст двадесять и седьмь» (Л. 239)) и т. п. до конца.

Отделяются друг от друга очерковые записи в «Повести» набором столь же типичных для проскинитария средств: *заголовками отдельных текстовых частей* (в «Повести» небольшими разночтениями они сохраняются во всех известных рукописных источниках: «О святѣм градѣ Иерусалимѣ» (Л. 227 об.), «О подобии церкви Святаго и живоноснаго Христова гроба» (Л. 228), «О дому Давыдовѣ» (Л. 236), «О святѣм Иорданѣ» (Л. 240 об.)), *вступительными* («Обрѣтают же ся и еще многое церкви и монастыри во святѣм граде Иерусалимѣ даже и до днесь» (Л. 235—235 об.), «Та же по край Святаго Иордана суть монастыри пустыя...» (Л. 240), «Паки же повѣствуем о святѣм Иорданѣ» (Л. 245), «И ту суть гради палестинския» (Л. 250) и т. п.) и *финальными фразами* («До здѣ о великой церкви Гроба Христа Бога нашего» (Л. 235), «Суть же и прочия святыя церкви, в них же точию единою в год служат» (Л. 236), «До здѣ описание Земли Святыя, идѣже Господь наш Иисус Христос пречистыми своими ногами походи и общую спасения нашего тайну исправляющыи» (Л. 250—250 об.)).

Как можем заметить, наиболее целостно в данном сочинении организуется структура пространства; временная организация повествования выстраивается на настойчивых попытках соединить время вечное, которым освящено существование Иерусалима и других палестинских земель во все эпохи (к которому читателя в лучших традициях жанра отсылают сюжеты библейской истории, актуальные при описании святых мест в прошлом / настоящем / будущем), и современный хронос. В последнем случае уместнее говорить о стремлении создателя «Повести» предоставить читателю текст современный и своевременный — речь идет о проанализированном выше внимании автора «Повести» к состоянию святых мест в XVII в. В сочинении в идеальное, «непреходящее» время Святой Земли интегрировано время текущего момента, несмотря на то что в данном путеводителе по-прежнему отмечается отсутствие явного мотива путешествующего и его пути по описываемым землям (по причине его малофункциональности для этого справочного жанра) и признание истинно ценным даже не пребывание паломника в сакральном пространстве (как в русских хождениях), а существование самого этого пространства. Наиболее значимы для проскинитария именно «места поклонные», известные закрепившимися за ними и библейскими сюжетами, и свершающимися при них богослужебными обрядами — основным объектом повествования становятся они и в «Повести» Гавриила Назаретского.

Очевидна специфика манеры повествования в данном тексте. В лучших традициях жанра греческого проскинитария ему присущи лаконичность и емкость очерковых статей, каждая из которых обладает законченностью (иногда даже сюжетной), их последовательность и структурная выстроенность по пространственно-топографическому принципу, точность и строгость характеристик, «панорамность» и широкий охват материала, деловитый способ изложения, все перечисленные черты более структурируют повествование «Повести», делают его более четким. Вместе с тем создатель Гавриилова сочинения обошел отдельные «штампы» данного жанра, допустив в тексте определенные новации.



Так, «Повесть» нарушает существенный признак, отличающий жанр проскинитария от хождения, — специфика традиционного путеводителя в анонимности, безличности и отсутствии связи с реальной историей, русское хождение всегда характеризует авторское «я» и конкретное время. Безусловно, по поводу «анонимности» и возможных атрибуций «Повести» могут идти споры, несмотря на ее привязанность к имени назаретского митрополита Гавриила. Можно говорить и о «безличности» как приоритетном качестве данного сочинения, поскольку существование его исторической основы находится в разряде гипотез: его содержание не связано с какой-либо реальной историей, повествующей о некоем *путешествии*, литературным результатом которого и стал анализируемый текст. О безличности сочинения говорит и пространственно-временная организация, исключая образ паломника и мотив его пути. Вместе с тем, возможное путешествие назаретского митрополита, особенно если знать о фактах его биографии, казалось бы, исподволь, косвенно, но прочитывается в «Повести»; представляется, элемент личных впечатлений может присутствовать в сочинении, сопровождать его описания как фон, как некая нота настроения, как часть личного отношения к описываемому — таким образом оживляется и «каталог»-перечень достопримечательностей, и «хрестоматия» преданий и сказаний, с ними связанных.

Но, несомненно, для данного текста несущественной становится столь типичная для проскинитария склонность к вневременному характеру описания, своего рода принцип «хронологической нивелировки» повествования. С историей как набором определенных исторических событий, реально произошедших, «Повесть», безусловно, связана. Ряд исторических реалий, в частности, связанных с пребыванием в палестинских землях православного Востока турок-мусульман, становится, в частности, определяющим и при датировке текста, не допускающей создание «Повести» ранее 1517 г. В отдельных фрагментах «историчность» текста бывает доведена до его нарочитой тенденциозности, что говорит о его актуальности в эпоху, современную Гавриилу, о проявлении авторского отношения и вместе с тем о его нетипичности для данного жанра (в этом, безусловно, прочитывается «почерк» самого Гавриила как главы Назаретской митрополии).

Речь идет о том, что, по сравнению с другими греческими путеводителями, автор «Повести» подробно описывает Назарет и его окрестности — обозначенная тенденциозность описания проявляется именно в этом. Надо сказать, данный фрагмент в тексте появился вполне сознательно — Гавриил хотел добиться, чтобы под впечатлением его рассказа у русских составилось полное и ясное представление о его личной митрополии, поэтому он не упускает случая рассказать, что католики приобрели у турок монастырь вблизи Назарета, а он же, к примеру, вынужден жаловаться на нищету.

О планах Гавриила, связанных с получением милостыни при дворе русского государя, писалось выше. Странником и богомольцем называет себя Гавриил в челобитной царю Алексею Михайловичу<sup>31</sup>, не забывая указать на длину и тяготы своего пути: «Умиленъ молю, боговѣнчая главо, умилосердися надо мною страникомъ и бо(го)мольцомъ твоимъ, занеже со многимъ трудомъ отъ далекихъ странъ приидохъ». Просил Гавриил о милости к разоренной турецкими властями Назаретской обители: «... такожде же умилосердися и надъ церквию святого монастыра Назаретскаго, идеже бысть всемирное благовѣщение Пречистой Богородици, зачатие же и воплощение Слова Божия, ту же и воспитася надежда спасения нашего плотию. Нинѣ же разорися и обьѣша отъ озлобления властей агаряньскихъ, и сего ради смиренѣ челомъ бию и молю твоего обичнаго милосердия, умилосердися и прости десницу свою польную благотвореншия и подай Святую милостиню на обьновление Святого монастыра, понеже и долгъ и з лихвию есть шестьсотъ рублиовъ». В ответ на эту просьбу Гавриил, действительно, получил все, о чем просил, неслучайно свое обращение за милостынею он сопроводил необходимым и приличествующим случаю образно-стилистическим сравнением царя Алексея Михайловича с императором Константином Великим, то есть челобитная написана в ритуально-церемониальном стиле прошений о

<sup>31</sup> ППС. 1900. Т. XIII. Вып. 1 (52). С. 23–25. Здесь челобитная цитируется по изданию С. О. Долгова.

милостыне той эпохи, и в этом плане оно отличается от ему подобных разве только упоминанием конкретных деталей и размером вопрошаемой суммы<sup>32</sup>.

Будучи главой Назаретской митрополии, Гавриил, естественно, в первую очередь рассчитывал на реальную помощь для «церкви святого монастыра Назаретскаго», и многое из того, о чем он рассказывал в упомянутой выше челобитной и в «Повести», соответствует действительности, несмотря на известную тенденциозность подобных прошений и описаний восточных священнослужителей. В реальной жизни Назарет был небольшим городком в Галилее, не выделяясь ничем особо примечательным, как по библейским сюжетам<sup>33</sup>, так и реальной истории<sup>34</sup>. С течением времени, разрушаясь, все более становился городом с мусульманской ориентацией. Отстраиваться заново он начал только в XVII в., к этому времени относится замечание в «Повести» Гавриила: «Есть же град Назаретский больше, пуст от злоб воевод турских» (Л. 243) — и планы Назаретского митрополита по восстановлению главного в городе христианского монастыря. Именно о нем идет речь у Гавриила в «Челобитной русскому царю Алексею Михайловичу»<sup>35</sup>.

Упомянутый храм был построен во времена крестоносцев (кон. XI в.) над пещерой, где, по преданию, находился дом святого Иосифа Обручника<sup>36</sup>. Место это, где, согласно самому распространенному сказанию, и совершилось Благовещение, освящено жительством Пресвятой Девы Марии и явлением Ей Архангела Гавриила, зачатием Божьего Сына от Святого Духа и житием Святого Семейства. По повелению Святой Елены, матери императора Константина Великого, над домом Иосифа была выстроена первая христианская церковь, которая впоследствии вместе с городом не раз разорялась и особенно пострадала от арабов в 1104 г., в XVI в. этим местом завладели франки, но османские турки, владевшие в те времена практически всем христианским Востоком, разрушили их церковь, а самих изгнали, и только местные христиане получили право содержать в развалинах святилища одну лампаду<sup>37</sup>.

В своей «Челобитной» Гавриил, похоже, обращался к русскому самодержцу за денежной помощью, необходимой ему для восстановления стоявшего в то время в разрушении храма Благовещения, где, если судить по его утверждениям в «Повести», «пребывает митрополить съ чернцы своими» (во всех документах и грамотах, сохранившихся в русских архивах, находим указание на то, что Гавриил назван «Назаретским митрополитом Благовещенского монастыря»). Его тревоги за судьбу одной из основных христианских святынь Назарета были неслучайны и обоснованны. Пример расположенного

<sup>32</sup> «Умилосердися христолюбивый цару и велий господару Алексей Михайловичу надъ тимь Святымъ монастыремъ, якоже и дровьяе Святи Костантъинъ Великий, иже согради Святий монастырь той со Святою Еленою, материю своею. И не обрѣтаеться ему во сия нужная времена сопричасникъ, точию твое пресвѣтлое царство. Тогожде Святого Костантъина по долготѣ лѣтъ во благоденствии и во небесномъ царствѣ да сопричастуеши, аминь».

<sup>33</sup> В Библии о нем практически ничего не говорится по причине его незначительности, исключение составляет упоминание: «...из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин. 1:46), закрепившее за ним не совсем хорошую репутацию города с бедным населением, не отличающимся добрым нравом. По Новому Завету он известен как место, где жили Иосиф и Мария (Лк. 1:26–27; Мф. 2:23), где состоялось Благовещение: архангел Гавриил принес весте Деве Марии о том, что Она станет матерью Мессии (Лк. 1:26–38; Мф. 1:18–25); в Назарете же прошло детство и юность Иисуса.

<sup>34</sup> С XII столетия Назарет не раз подвергался захвату мусульман: в 1187 г. он был отобран арабами под предводительством Салах-ад-Дина у крестоносцев, которые овладели им в 1099 г., в 1263 г. город вновь был взят арабами от крестоносцев, напавших на Назарет в середине XIII в.

<sup>35</sup> «...Умилосердися и надъ церквлю святого монастыра Назаретскаго, идеже бысть всемирное благовѣщение Пречистой Богородици, зачатие же и воплощение Слова Божия, ту же и воспитана надежда спасения нашего плотию. Нинѣ же разорися и обьтыша отъ озлобления властелей агаряньскихъ, и сего ради смиренѣ челомъ бию и молю твоего обичнаго милосердия, умилосердися и прости десницу свою полную благотворения и подай Святую милостину на обновление Святого монастыра, понеже и долгъ и з лихвю есть шестьсотъ рублювъ... Умилосердися, христолюбивый цару и велий господару Алексей Михайловичу, надъ тимь Святымъ монастыремъ, якоже и дровьяе Святи Костантъинъ Великий, иже согради Святий монастырь той со Святою Еленою, материю своею».

<sup>36</sup> До сих пор на этом месте сохраняются многочисленные остатки от сооружений предшествующих эпох: мозаики, небольшие фрагменты фресок, граффити III–IV в., грот Конона (ум. в 249 г.), центральная абсида византийского храма V в., часть византийского баптистерия, грот мучеников, остатки иудео-христианской синагоги, тройная абсида храма времен крестоносцев (XII в.), остатки, отождествляемые с домом Девы Марии (грот Благовещения). См.: Святая земля. Исторический путеводитель по памятным местам Израиля, Египта, Иордании и Ливана. М., 2000.

<sup>37</sup> Петрушевский П. Святые места и святыни на Востоке и в России. СПб., 1899. Т. I.



вблизи монастыря храма Святого Иосифа, который «зело красный», поскольку «то прикупели папежники отъ Турковъ за златницы», красноречиво свидетельствовал о том, что и храм Благовещения может в скором времени постигнуть такая же участь<sup>38</sup>. В 1651 г. Гавриил Назаретский, дабы оставить собор православной обителью митрополита, просил у московского государя вспоможение, упоминая и в «Челобитной», и в «Повести» о тяготах, в которых пребывают близкие ему галилейские земли: «...и пребывают папежские чернцы грѣх ради наших и нищеты ради, занеже не имамы столько злата; аще бы имѣли злато, да их изженули паки из монастыря нашего» (Л. 242 об.). Именно так, не называя самого монастыря и храма, расположенного в его пределах, Гавриил характеризует места, оказавшиеся в подчинении у католиков, которым благоволили в Назарете турки-мусульмане.

Видимо, для того чтобы привлечь к себе внимание и благосклонность Алексея Михайловича, событие Благовещения Гавриил одновременно приписывает двум почитаемым в Назарете местам. Согласно одним местным преданиям, это событие случилось в доме Иосифа Обручника — храме Благовещения, о чем ясно говорится в «Челобитной» Гавриила, а по другим сказаниям — у источника Пресвятой Девы Марии, о чем упоминается в «Повести». Но в целом митрополит достаточно правдиво рассказал об истинном состоянии назаретских святынь, их реальном расположении, что по устоявшимся традициям проскинитария ему и следовало сделать. Церковь над чудотворным источником и колодцем Пресвятой Девы Марии, из которого Она, по преданию, набирала воду, когда пред Ней предстал Архангел Гавриил, была построена на развалинах храма, воздвигнутого Святой Еленой<sup>39</sup>, в разные времена ее знали под различными именами: Благовещения, источника Пресвятой Девы, Архангела Гавриила. На протяжении столетий источник Девы Марии славился своими чудотворными силами, из него черпали воду для исцеления, практически обо всем этом и подробно написано в «Повести»: «Есть же в Назаретѣ пещера, идѣже есть источник воды текущья, и ту архангел Гавриил явися Богородицы; и бывает тою водою исцѣление болящим и неплодным женам, измѣтающим прежде времени, исцѣляются. Ту же митрополит Назаретский литоргию отпѣвает и прочая правила» (Л. 241 об. — 242); «Пещеру же Святаго Благовѣщения над источником Святая Елена царица от тверда камня здѣла и, от верха землю насыпавши и камением наваливши ровно со общею землею, содела, да не может николиже от невѣрных разоритися...» (Л. 242 об.).

Безусловно, далеко не в каждом проскинитарии встретишь столь обстоятельное и горячо заинтересованное описание назаретских земель, в этом отношении «Повесть» Гавриила можно назвать отличной от других жанровых образцов, поскольку традиционно создателей переводных путеводителей интересовали места и предметы поклонения и, главным образом, святыни Иерусалима, поэтому в них и видели прежде всего «благословение из Иерусалима».

«Повесть» явно отходит от традиционной информативной функции проскинитария, точнее, не ограничивается только ею, расширяя жанровые рамки. Сочинение примечательно тем, что непосредственно рассчитано на русского читателя, на русскую читающую публику, знакомую не только с переводными путеводителями, но и с оригинальными по происхождению хождениями. Текст «Повести» оказался максимально приближен к ее потребностям; количество сохранившихся списков говорит об успехе этого сочинения на Руси (6 списков XVII—XVIII в.). Гавриил не указал, для чего и для кого конкретно он создавал свое произведение, можно только догадываться об этом (как объяснялось выше, не исключено, что в узком смысле — с сознательным расчетом на жалованье и милостыню государя

<sup>38</sup> Храм Святого Иосифа Обручника находится к северу от храма Благовещения, на территории францисканского монастыря. Воздвигнут он был в XIII в. в честь возвращения Святого Семейства из Египта в Назарет (Лк. 2:39–40), на месте расположения плотничьей мастерской Иосифа Обручника, еще одной достопримечательности Назарета. Кстати, то, чего так опасался митрополит, с течением времени случилось: в XVIII в. это место, как и другие здешние святыни, перешли к католикам; в XIX в. бывший православный храм Благовещения стал красивейшим католическим храмом, в своем окончательном виде он был выстроен в 1730 г.

<sup>39</sup> Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: В 2-х кн. М., 1990 (Современная редакция энциклопедии арх. Никифора 1891).





Российского государства). Скорее всего, он четко осознал, почувствовал потребность русских паломников в современном путеводителе.

Показательно официальное месторасположение одной из рукописей «Повести», повлиявшей на все последующие списки, которая попала на хранение в библиотеку патриарха — Синодальную библиотеку в Москве (ныне она входит в состав Синодального собрания ГИМ). Этот же наиболее ранний и значительный список достоин внимания и потому, что соединил в своем составе два близких по времени и жанру текста: путеводитель Гавриила и «Проскинитарий» Арсения Суханова 1651 г., двух книжников, которых объединяли не только литературные привязанности, но и личные отношения. Вместе с тем, сомнительно, что «Повесть» Гавриила создавалась в расчете на узкий круг читателей (или даже на одного единственного ее читателя), в данном случае она показательна, поскольку демонстрирует, каким образом греческий путеводитель мог «адаптироваться» на русской почве и в каком-то смысле мог отходить от заданных канонов жанра. Во всех перечисленных выше специфических чертах «Повести» и тенденциях развития путевой литературы видна трансформация жанра проскинитария, в данном случае обусловленная необходимостью приспособить его к новому читательскому восприятию, русской читающей публики.

